ВЫПУСК
2021

Классный руководитель

Масленникова Ольга Михайловна

Академические классы
Санкт-Петербург • школа № 232

Олеся Белова

Я вспоминаю школу с упоением и безусловной любовью. С полным принятием существования в том «бесконечном потоке». Обычный день из семи уроков был настоящим драматургическим действием.

Глава 1. Прикосновение

Я пришла в шестом классе, не очень понимая, куда иду. Написала психологический тест, завалила математику, переписала математику. Хотя бы психологический тест прошла. Мой класс меня, безусловно, испугал: звонок, бегают, кричат, чай для Ольги Михайловны с солью и перцем от будущих подруг. Я молча держала маму за руку, пока та знакомила меня с Ольгой Михайловной. Испугалась, но больше никуда вступительные не писала.

Шестой класс был туманным, как и ремонт в школе. Рекреация (позже ставшая зеленой) была закрыта, некоторые уроки проходили на первом этаже, где пахло сыростью и краской. Там до сих пор темно, будто в подвале, поэтому мы так его и называли. Некоторые занятия проходили в желтой рекреации — импровизированные классы состояли из условных обозначений стен из синих досок. Там проходил французский.

Инна Борисовна возникала в коридоре, как изящная гондола в мутно-зеленых волнах. Элегантная, тонкая, линейная, всегда невероятно выглядевшая. Я вспоминаю, как мы пели на уроках французские мюзиклы, потом их же пели на переменах. Её огромные голубые глаза всегда понимали, что ты ничего не понимаешь. Выдавливаешь из себя подобие иностранных звуков, стараясь что-то изобразить.

Тогда же были занятия по истории с Павлом Николаевичем. Если мы хорошо себя вели, то он рассказывал нам, как родился в 2000 году до нашей эры, как его племя подарило ему специальный топорик. На исторический карнавал я попала всего один раз, но это было нечто невероятное. Ученики с радостными воплями восхищались костюмами друг друга.

Тогда же Мария Юрьевна Васильева поспорила с нами на математике, что мы не должны путать плюсы и минусы в уравнениях. Спорили на мороженое. Я точно помню, что выиграла, и точно помню, что это было непросто.

Было ТНК с Татьяной Анатольевной. «Прячу-прячу ремешок» и «Селезень утку загонял». Один раз мы слишком сильно заигрались на улице и порвали куртку Симе Бантеевой. Бывает.

Коневец после шестого класса сейчас кажется чем-то вроде сна. Смутные облики каких-то абсурдных вещей: мальчики прячутся под нашими кроватями ночью, настоящая ролевая игра с заданиями от старшеклассниц, овсянка с пряником на завтрак, молитва перед и после еды, чтение книг после рабочего дня, костер, гербарий и много-много песен. Помню, что девочки тогда заметили пожар в лесу и храбро тушили его вместе с Олегом Николаевичем и Мариной Юрьевной. Мы сломали шкаф во время репетиций к КВНу, но Олег Николаевич тогда сердито зашел, как-то стукнул, дверца поддалась и починилась сама. Нам влетело, но не сильно, команда наша выиграла. Дима Романов пытался вынести из трапезной ежик с рисом, чтобы съесть потом, а мне Мария Юрьевна заплетала косички на закате. Мы собирали цветы, танцевали на плаце, плакали в храме и скупали масла.

Глава 2. Объединение

Седьмой класс еще более смутно. Есть в голове что-то про видео о космосе на физике. Зато занятия с Павлом Сергеевичем были крайне хороши. Математику я не любила, но задания делала все. На 14 февраля я принесла домашнее задание в большой валентинке, в конце урока нам давали логическую задачу, чаще всего забавную. Тогда в школе была Надежда Анатольевна Завальная. Мы устраивали исторические дебаты, я даже была Наполеоном, но, как мне кажется, проиграла. Была масленица, вместо привычного всем исторического карнавала. Лёша был в мешке из-под картошки, я в костюме скомороха. На осенних каникулах мы ездили с классом в Москву: 5-часовая экскурсия, много яичниц на завтрак, ночные смешные посиделки с глупыми играми. На весенних каникулах мы ходили кататься на лодках в ЦПКиО. После нам сказали, что больше никого из нас не пустят на воду, потому что мы просто обливались водой из бутылок, пытались друг друга скинуть за борт, а на суше выжимали воду из одежды.

Практика после седьмого класса была в Кириллове. Мы жили в старом доме, который сами же и реставрировали. Спали в спальных мешках на полу. Комнаты было три: для девочек, для учительниц и для мальчиков с Николаем Кирилловичем. Мы работали с энтузиазмом: я забиралась на печку, класс дружно сдирал обои и рассматривал старые книги. Из лучших находок: оригинальная подпись Гоголя, старый костюм «смокинг» и ящик детского зубного порошка. Баня там была страшная, темная, а для меня и холодная. Зато мальчики уверенно решили побегать в полотенцах вокруг дома, что заметили выпускницы, но комментировать никак не стали. Спасибо им за это.

Глава 3. Влюбчивая

В восьмом классе математику вела Виктория Юрьевна. Она проводила открытые уроки, но приходила только моя мама, зато меня всегда хвалили. В нашей жизни появились серьезные зачеты по геометрии. Тогда мы поняли, что в жизни, конечно, бывает не все просто. После весеннего зачета, я помню, мы поехали в Выборг. Тогда половина из нас уснули во время экскурсии на корабле, потом мы дурачились в музее, было солнечно и жарко. Физику у нас вёл Михаил Юрьевич, но для нас он был исключительно «Господин Капитан». Я не помню почему, но в начале урока мы вставали и отдавали честь. Зачет по физике не был страшным, там нужно было быть уверенным в себе. На зачете по химии такое не работало. Александр Игоревич жестко, но с усмешкой наблюдал за нашей паникой. Просверливал конспекты дрелью. Могу сказать честно, зачеты в восьмом классе меня научили главному правилу студента — на любом экзамене и из любой ситуации можно выкрутиться. Станислав Юрьевич вёл обществознание и относился ко всем с пониманием. Меня он прощал часто и даже помнил меня по фамилии. Когда мы узнали, что он увольняется, то принесли плакат «Не уходите!», но это не сработало.

Практика после восьмого класса у нас проходила вместе с классом Михаила Александровича на Соловках. Соловки остаются для меня самым ярким местом на свете. Круглые сутки там закаты сменяют рассветы, и таких цветов на небе я нигде больше не видела. В монастыре мы подметали камни от камней. Вообще, основная работа была в ботаническом саду, но я ни разу туда не попала: дежурство, всеобщий слабый иммунитет и какая-то дополнительная активность. Мы катались на лодках, изучали баданы, рисовали и писали. У нас был безумно странный коннект с старшим классом, не очень понятный, но что-то образующий. Мы разговаривали и гуляли абсолютно всё время, практически не спали. Мы пугали друг друга, сплетничали, постоянно смеялись. Самое удивительное, с каким доверием к нам относились учителя: надо было быть на связи, сказать, куда ты идешь, и тебя отпускали, потому что Соловки — «гений места». На приёмах пищи у нас было отдельное любимое занятие — составление плейлиста. От Нюши и Лепса до Стрыкало и Егора Крида. Каждый день чтение летописи становилось всё круче и круче: перепевки песен, стихотворения, комиксы, плакаты. Был Мопс Элвис, который ел камень. Были чайки, когда мы все вместе сидели у костра и играли на гитаре. Ольга Михайловна тогда читала нам анекдоты Довлатова из «Записных книжек», а вокруг был ярко-оранжевый свет.

Глава 4. Переходная

В девятом происходит классическая смена педагогов. Биология — Олег Николаевич. Было страшно, было боязно, было серьезно. Нам рассказывали байки, от старшеклассников передавались легенды. Феноменальная группа «Спецназ», в которой был только Дима Романов со сломанным позвоночником. Биологию мы знали назубок: все перемены в среду, параллельно с неловким дежурством, мы стояли с конспектами в руках и повторяли одно и то же. Как бы то ни было — на уроках мы сидели с выпученными глазами и впитывали всю информацию. Я до сих пор могу перечислить плюсы брака, из чего состоит ДНК, где расщепляются пептиды, а может быть, и нарисую схему конечности какой-нибудь.

Французский теперь вела Ирина Петровна. Я сидела на первой парте и слушала всё: истории из суда, о путешествиях в Париж, про французские фильмы. На одной олимпиаде нам сказали, что мы «зазвездились», Ирина Петровна со всеми разобралась. На французском было отдельное ощущение жизни: как мы говорили «ПЛЕНЭЭЭР»! Суть состояла в восприятии прекрасного.

Физика начала хоть как-то появляться в моей жизни с приходом Вероники Львовны. Я четко знаю, что если автобус выйдет с утра, а вечером приедет в исходную точку, то работа равна нулю. А так я просто не мешала+поддакивала+ держала фокус, ко мне относились с снисхождением и пониманием.

Я полюбила химию. Полюбила искренне и нежно. Александр Игоревич давал нам лабораторные, наглядные пособия, отсылки на мемы. Кстати, моей самой любимой рубрикой стали мемы за оценку. 10 хороших мемов — дополнительная пятерка. На этом я вывозила всю старшую школу, а распечатки до сих пор висят в кабинете.

Практика в девятом классе — Ясная поляна. Абсолютно роскошные условия: трехместные номера с балконом. Ольга Михайловна приходила к нам в номер каждый день, потому что он казался самым неубранным. Маша давила мотыльков тапками, ночью мы боялись ужастиков. На балконе мы похоронили в пакете доширак с грибами и лизуна. Хоронили с почестями. Работа была по-толстовски трудная. Одна часть класса грузила сено на поле под палящим солнцем, другая это же сено сгружала в амбарчике. В другие дни мы собирали палки в лесу в кучи, но дойти до этих лесов надо было минут 50. Преисполнились мы в сознании важностью Льва Толстого ужасно. Купались в пруду у входа в музей, в котором купаться нельзя было. Точнее, мы даже пытались по картам найти какую-то речку, но она абсолютно высохла. Мы бежали в какой-то местный магазин покупать продукты к ужину, так как мы первые дежурили, но там было только два задохлых огурца и один подгнивший перец, а на кассе считали по деревянным счетам. Ужин тогда был убийственным, потому что половина макарон рассыпалась, салат мы нарезали в последний момент, готовили на потухшем костре, причем с непонятной обугленной палкой. Но никто не жаловался. Мы танцевали на зарядке по утрам. Один раз мы играли в любимую игру: вытолкни из лифта другого на чужом этаже, но заигрались, влетело тогда жестко, сердито и по фактам. Больше на лифте мы не ездили.

Глава 5. Английская

Андрей Александрович учил английскому как-то по-особенному. Мы смотрели фильмы, говорили, пели песни, устраивали чаепития. Но также мы учили монологи про Ганди и дачи, учили английскую литературу и читали книги в оригинале, повторяли грамматику и учились писать пересказы в 200 слов. Каждый день с пн по пт вы стоите сильной группой в закоулке и ждете, когда будет слышен звон ключей. Если весна, то белая штора развивается, солнце падает сквозь кружево на стол. На полке сзади — книги, статуэтки, сувениры, билеты. Я с 6 класса всегда хотела рассмотреть все. Андрей Александрович был строг: жестко следил на тестах, давал сложную грамматику и лексику, очень не любил, когда тупят. Но я сидела с внутренним восторгом на первой парте и внимала всему. Мы шутили друг над другом, мы наслаждались выбором кинематографа, самостоятельными переводами сонетов Шекспира. Лиза всегда говорила: «Сегодня попоём?» И показывала на гитару в углу класса. Очень странно осознавать, что так больше нельзя. Что нельзя петь “Битлз” до посинения и устраивать дебаты по фильму «Общество мертвых поэтов». Что мы больше не будем смеяться друг над другом из-за каких-то фраз на английском. Что не снимем, боже, манекен челлендж. А в памяти — Андрей Александрович, а за ним всегда будет шкаф с книгами, со статуэткой Елизаветы, на стене будет карта Великобритании, на столе кружевной узор и легкий ветер с открытого старого балкона. А Ира будет сидеть через проход и поправлять проектор.

Глава 6. Подрастающая

Десятый класс начинался превосходно. Историю начал вести Владислав Сергеевич. Скажем так, мы чувствовали вайбы друг друга. Самостоятельные были устными, так что учили честно, с заинтересованностью и погружённостью. Историю я начала любить тогда. Вопросы я задавала глупые и совсем детские, но именно комфортная атмосфера мотивировала меня что-то учить и повторять. Началось МХК с Ириной Петровной. Мы сидели в абсолютном шоке от кармы, от рушников, от Русского музея и индийских богов. Уроки МХК меня спасали много раз, потому что культурная база «на районе» необходима, особенно, в Петербурге, где к тебе подходят незнакомые дедушки и спрашивают, в каком стиле построено соседнее здание.

Потом карантин. Я плакала каждый день, потому что в десятом классе я просто хотела сосуществовать в школе в привычном режиме. Учителя же не сдавались. По литературе у нас было около 3 или 4 приложений, где мы делали разные творческие задания. Мы сочиняли стихотворения, записывали видео, рисовали, собирали цитаты. Уроки в зуме всегда были чем-то успокоительным. Знакомые голоса и лица, по которым ты безумно скучаешь. С классом мы списывались каждый день и играли в мафию. Я не могла понять, почему самый кайфовый год я должна проводить без них, без сценок, без чаепитий и уроков. Но рвение было у всех, поэтому мы координировались. Созванивались, меняли фоны в зуме, делали поздравления выпускникам.

Глава 7. Самая

Одиннадцатый класс стал чем-то перенасыщенным, но в хорошем плане.

У нас появилась Алина Игоревна: её индивидуальный подход, желание обратной связи, нежность, задания на рефлексию и внимательность к своей жизни. Я приезжала на занятия с абсолютным спокойствием и ожиданиями по поводу новых заданий. Высказываться могли все, кто хотели, причем неважно о чем.

Весной 2021 года был заполнен каждый день. Мы устраивали собственный дресс-код (по цветам, по стилю, по промежутку времени, по обязательному аксессуару). Мы пели на переменах и играли с младшими классами в непонятные игры. В последний день учебы мы заказали себе патибас в школу. Директор потом спросила на «Алых парусах»:

— Это вы включили Земфиру и «Что такое доброта» у дверей школы в 9 утра?

—А что нам будет за это?

— Ничего, просто здорово, похвалить хотела

— Тогда мы.

Естественно, воздушные пузыри в садике с Александром Игоревичем, крокодил на последних уроках. Вообще, я рыдала после каждой фразы «Это был наш с вами последний урок». Я не представляла, как такое возможно. Еще я прорыдала все праздники, включая выпускной, у меня даже есть список любимых фраз учителей: «Олеся, рано, не сейчас», «Ну, ты красивая такая, че ты плачешь», «Эта опять плачет».

Глава 6. Репетиционная

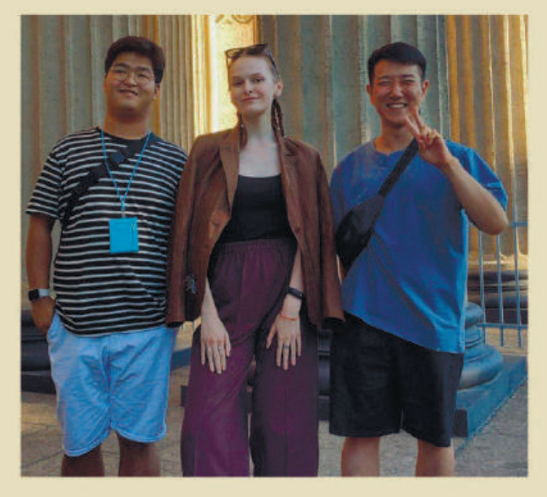
День школяра в 6 классе стал для меня шоком. Я видела, как все классы остаются после уроков до закрытия школы, готовят разноцветные костюмы, ругаются за время репетиций на сцене и поют в коридорах. Реквизит тащили со всех сторон, листки с сценарием были разбросаны по всей школе. Мы отпрашивались с уроков, лишь бы проиграть сцены еще пару раз. Мы вливались в этот процесс как могли. С 6 по 11 класс на каждый праздник мы действовали по плану: группа придумывает сценарий, потом мы его «смягчаем», а потом всем классом остаемся после уроков, где-то недели две, подбираем музыку, повторяем слова. Всегда покупали батон и колбасу на всех и сидели, пока не закрывали школу. Нужно было продумать все: где стоит стул, какая скатерть на столе, какого цвета сережки, кто сделает афишу. Я горжусь каждым нашим выступлением, хоть, объективно, нас и не любили за них. Не любили не потому, что цензура, или не потому, что плохо выступали, просто мы очень долгие сценки готовили, а иногда и очень грустные. Но это было качественно, это было вдохновляюще, это было эмоционально и живо. А после репетиций вы идете все вместе к метро, уже поздно и темно, а вы смеетесь по пути к Сенной. Дома вы спрашиваете у мамы про какие-то рандомные предметы для спектакля, всё нужно тащить на благо искусству. Я помню до сих пор все песни из каждой сценки, наши танцы и переигрывания.

Глава 8. Свободная

Мы много путешествовали. В 10 классе ездили в Москву, чтобы посмотреть спектакли. В 9 — Золотое кольцо. В 8 — Псков. Мы двигались куда-то постоянно. Мы были самым дружным классом, по крайней мере, мне изнутри так казалось в старшей школе. Ольга Михайловна относилась к нам строго, но всегда справедливо. Мама мне сказала один раз: «Если Ольга Михайловна кричит или ударяет, то за дело, я ей полностью доверяю», но моя мама сама никогда на меня даже голос не повышала. Ольга Михайловна воспитала в нас людей свободных и достаточно осознанных. У нас были мастерские: о смерти, о себе, о детстве, о писателях. На литературе мы рисовали и сочиняли. Мы делали групповые проекты, все, как надо, с распределением обязанностей и творческими плакатами. Мы пели песни, мы смотрели фильмы на уроках, мы танцевали в классе после праздников. В нас воспитали вкус, объяснили, что такое личность. Я поняла, что значит существование, а что жизнь. Что такое счастье и почему нельзя быть постоянно счастливым. Мы ходили на все выставки. В 7 классе нас начали активно водить в театр, и исключительно благодаря этому я горю им до сих пор. Пока мы писали миниатюры, Ольга Михайловна стояла и смотрела в окно. Или сидела за столом и продолжала рассуждение. Или перечитывала отрывок произведения заново. Мы учили стихотворения, через боль и кровь мы сдавали их наизусть. В 6 классе мне объяснили, почему надо писать все олимпиады и почему начинать надо прямо сейчас. Удивительные часы подготовки к филологическим зданиям после школы — 10 минут перерыва, бесконечные распечатки листов А4 с текстом и обсуждения структуры с критериями. И вот это все неописуемо, потому что именно шаг за шагом мы становились внутренне свободными, становились человечнее и индивидуальнее. И это что-то про безграничное познание, или любовь, или уважение, или связь. Я не могу придать этим воспоминаниям нужную форму, потому что это не закончилось, а раз точки нет, то и анализ провести трудно.

Атмосферу школы невозможно передать. Школа наполняла мою жизнь полностью, причем так же, как и я, старалась заполнить её. Мы устраивали непонятные флешмобы, перфомансы, танцы. Мы не были лучшим или послушным классом, нас много ругали, очень много, на нас писали докладные, на нас кричали. Почти всегда заслуженно. Но мы всегда действовали, всегда сочиняли. Нам не было скучно существовать внутри. Мы меняли наш родной 302 класс, рисовали афиши, поливали растения. Это как понятие малой родины, абсолютной теплоты, что ли. Эти главы — маленькие обрывки воспоминаний, но даже не одна десятая переживаний, которые “

«поддушивают» меня до сих пор. Я плакала весь 11 класс, мне говорили, что я выйду из стен школы и забуду, но это не правда, и сейчас я переживаю почти так же, просто привычнее. Школа была рутиной, которая не являлась однотонной или однородной. Я рассказываю про практики, про программу, про взаимоотношения с учителями, но знакомые меня не понимают. Не понимают, почему мы изучали латынь, почему у нас была английская литература и несколько групп для математики. Почему у нас было так много профилей и откуда у нас столько победителей в олимпиадах. Не понимают, как это мы писали курсовые и защищали их. Но мы понимаем.



Аня Коченина

Удивительно, насколько самоотверженно и искренне мы любили оставаться в школе вплоть до семи вечера. Так мы собирались вместе в конце четверти, чтобы отрепетировать нашу постановку к очередному празднику. В какой-то момент мы настолько сблизились, что в качестве обеда брали шарики с молоком и ели из большой тарелки все вместе. Но вместе мы не только ели, но и сходили с ума. Перерыв закончится, все поедят, Ольга Михайловна выйдет на мгновение из кабинета, а мы уже бегаем по классу. Кто-то носится с брызгалкой для цветов, кто-то кричит и отмахивается от летящей водной струи. Развязка этого безумия наступает тогда, когда открывается дверь и на пороге стоит Ольга Михайловна. Она укоряюще смотрит на нас, но улыбается, как всегда прощая нам любые шалости.

На Коневце мы были в средней школе. Это было первое место, куда мы поехали на практику. Несмотря на то что поездки туда самые давние, они ничуть не уступают по насыщенности последним путешествиям. Например, нам приходилось мыться в горящей бане, укрываться тазиками, чтобы была возможность дышать. Обошлось без жертв, и, более того, все сумели помыться!

На Коневце нам приходилось быть особенно торопливыми. Причиной тому было предложение или «игра» от Марии Юрьевны и Олега Николаевича. Они придумали игру во время долгих походов, в которой каждому последнему в цепочке человеку доставалось пакетом от замыкающего. Это, наверное, был единственный раз, когда мы поспевали за шустрой Ольгой Михайловной.

Лиза Нестерова

Мне очень повезло с одноклассниками и общей атмосферой школы. За семь лет меня научили думать, и именно благодаря АкадКлассам я сейчас живу осознанно и умею проявлять себя, мне это нравится. Что по поводу воспоминаний — мне сейчас очень ярко видятся наши дискотеки с пиццей в 302 кабинете. Я почти всегда стояла в сторонке, но я любила просто смотреть и запоминать момент. Я ещё помню, как зимой мы днями напролёт отогревались в пледах и с чаем на уроках — где ещё такое могло быть? Только здесь. Зимы становились по-настоящему тёплыми.

Самое важное — люди, которые сделали это место особенным. Не могу не вспомнить учителей — с живой душой, вдохновляющих и уникальных: с Андреем Александровичем мы полюбили «Битлов» и выучили язык так, что теперь смотрим фильмы на английском в оригинале. С Надеждой Анатольевной мы погружались в историю с головой, устраивая суды и дебаты, гуляли по Эрмитажу на каникулах, всматриваясь в картины импрессионистов. С Александром Игоревичем же мы наглядно поняли химию. Может быть, формулы не вспомним, но теперь точно не будем лить воду в кислоту. В кабинете Эллы Юрьевны находиться было крайне приятно и бодро, запах кофе окутывал всё вокруг. Обстановка была деловая, мы не теряли ни минуты и даже занимались Business English. Ирина Петровна влюбила меня в искусство ещё глубже, тут даже сказать нечего, всех слов будет мало... И это только малая часть наших учителей — представляете, как нам всем повезло?

Ольга Михайловна — это личное, это, честно, самая важная встреча в моей жизни. Она воспитала во мне человека, помогала и организовывала, вдохновляла на размышления о простом и сложном, вдохновляет до сих пор. С нашего первого урока мы прислушивались к себе и своим эмоциям, пропускали тексты, мысли через себя и заключали их на бумаге в миниатюрах, эссе и в рисунках. Даже в спектаклях, в афишах; афиши — отражение всех нас в кабинете. Каждую четверть мы с ребятами были какие-то новые и разные, напитанные новыми знаниями и более взрослые. Кабинет 302 стал нашим вторым домом с утра и до вечера. Мне из «домашних» обязанностей очень нравится поливать цветы. Ольга Михайловна, спасибо, что впустили!

Если кратко — радостно быть учеником АкадКлассов. Эти 30 лет прошли не просто так, во благо!

P. S. Из неприятного: как-то раз мальчики били меня крапивой на Коневце, и это самое грустное, что со мной здесь случалось, если подумать.

Сима Бантеева

Ребят, всем привет!
Я отучилась в акад классах все 7 лет, и это просто чудесное время, которое я сейчас вспоминаю с большим теплом.

Нас научили думать, мечтать, научили выражать свои мысли и не бояться показывать эмоции. Ольга Михайловна научила нас говорить. Мы много фантазировали, мы не боялись своего мнения, не боялись о нем заявить. Мы с ребятами были совсем разные, но за годы школы мы будто стали семьей. Школа - чудесный опыт, благодаря которому я сейчас уверенно могу думать о своем будущем. Мои одноклассники - мои друзья, ребята, с кем я разделила множество смешных, иногда грустных моментов.

Истории:

Когда мы были на Коневце в 5 классе, мы втайне от учителей ходили по ночам исследовать заброшенное здание «Белая гостиница», все вдоволь «набоялись», хпах, а потом пошли встречать рассвет!

Дело было на практике на Коневце в классе 6. Лиза Н. разговаривала со своей мамой по телефону, а наши мальчики решили драться крапивой и задели ее. Лиза начала плакать, но не хотела испугать маму, поэтому у них состоялся такой диалог:
-Лиза, что случилось? ты от чего плачешь?
-От СЧАСТЬЯ…

Ходили мы как-то на практике с ОН за всякими букашками на пруд. За одно путешествие пришлось отбиваться от козы и индюков.. было страшно, но пиявочки и букашки того стоили).

На практике в Кириллове Николай Кириллович играл на балалайке и пел народные песенки, было здорово).

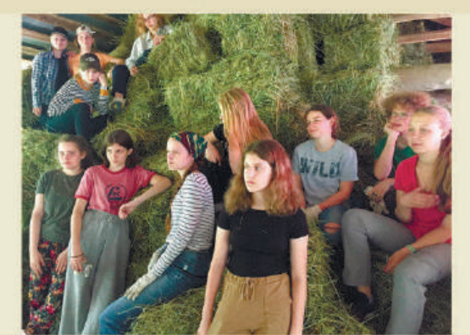
Когда мы ездили на практику в гости к Толстому, ужины мы готовили себе сами на костре. Помню сидим, едим, а дежурные (тогда были Лиза, Коля и еще кто-то), и Лиза говорит: «Вкусно?» И все хихикать начинает.. Оказалось, они котел с макаронами перевернули.. ужинали мы тогда макаронами с «нотками» земли и муравьишек.

В наш последний день мы подогнали к школе на «патибасе», а в школу зашли под «барбариков»). Директор сказала, что перфоманс ей понравился.

Ольга Михайловна грозилась отобрать у нас кружки для чая каждый божий день, а мы все забывали их мыть… можете проверить, есть ли они и сейчас в 302.

Однажды на географии прямо посреди урока… упала лампа над доской! Николай Кириллович не пострадал)

С выпуска прошло не много времени, но мы уже успели разбежаться по разным городам, у всех свои заботы.. но даже так, мои одноклассники - важные для меня люди, связь с которыми уже очень сложно порвать. Наш выпускной альбом вот уже второй год у меня на полке в общаге стоит. Греет, когда одиноко. Школа - это хорошо, а потом с каждым годом все еще интереснее становится. Всех обнимаю!



Лиза Богданова

Эти семь лет, которые я провела в академических классах, я, наверное, буду помнить долго. Основной причиной может быть то, что мне удалось научиться рефлексии. Это произошло, как мне кажется, благодаря академическим классам. До пятого класса я больше плыла по течению и не уделяла ни минуты времени на то, чтобы подумать о том, что я делаю. Рефлексия, а именно осмысление своих действий и чувств в определённый момент времени, является важной частью меня. У меня наконец появилась возможность понимать, что я делаю, куда двигаюсь и к чему стремлюсь.

Помню, как я была напугана, когда только пришла сюда. Везде были незнакомые мне люди, одноклассники, с которыми мне следовало подружиться. Социализация никогда не была моим коньком, поэтому пришлось сильно постараться, чтобы адаптироваться. Но невероятным образом школа стала местом, в котором я чувствую себя так же хорошо, как дома. Люди, которые меня окружали, были очень доброжелательны, учителя на каждом уроке старались привлечь наше внимание. Меня действительно начали увлекать все активности, которые нам предлагали. Помню, как мы праздновали День школяра, Новый год, масленицу, святки и многие другие праздники. В самый первый год меня сильно поразили исторический бал и Чтения на Крюковом канале. Я всегда боялась принимать активное участие в подобных мероприятиях, но при поддержке учителей, семьи и одноклассников я выступала на них. Это не всегда было успешно, но это нормально, ведь не всё должно получаться, ведь так?)

Но это лишь часть вещей, которые я действительно ценю в академических классах.

Уроки, дополнительные занятия, мастерские. Я невероятно полюбила возможность приобретать новые знания и умения. Конечно, не все уроки я любила одинаково, часто нервничала перед ними, боялась контрольных (хотя что изменилось с тех пор?!). Но где-то к 10-му классу я приобрела способность увлекаться тем, что мне предлагают. Мне было интересно почти всегда, что бы мне ни рассказывали. И в какой-то момент предметы начали пересекаться, я начинала видеть связи между разными областями. Это сделало мою жизнь намного более наполненной, чем она была до этого.

Я не могу перечислить все интересующие меня вещи, которые я почерпнула на уроках, да и перечислить все предметы, которые мне нравились будет достаточно сложно. Единственное, что я могу сказать точно, что я ушла от концентрации на точных науках и полюбила естественные и гуманитарные ничуть не меньше.

То, что нельзя не отметить, – это учителя в нашей школе. Кто-то может говорить, что тот или иной учитель имел идеальный или не идеальный подход, хорошо или плохо преподавал, но что для меня было более ценно – это то, что я увидела в учителях людей, с их жизнью, их проблемами, их взглядами. В последние годы было невероятно здорово обнаружить, что с ними можно обсудить вещи, которые тебя беспокоят, выстроить отношения, которые выходят за рамки ученическо-учительских. Мне до сих пор безумно нравится приходить в школу и общаться со своими учителями. В такие моменты я могу забыть вещи, которые меня волнуют по жизни, задания, которые я должна выполнить к ближайшим парам и, пожалуй, почувствовать себя как дома.

Мне всегда нравилось то, что мне удалось установить контакт с учениками из других классов. Конечно, далеко не все стали мне так же близки, как мои одноклассники, но сама возможность контактировать на равных со стольким количеством людей не казалась мне настолько возможной и понятной как в школе. Но, я осознала, что до сих пор мои лучшие друзья все учились в этой школе. Не все доучились до конца, но познакомились мы именно здесь.

Наверное, я могла бы ещё долго перечислять то, что я ценю в академических классах. Более того, я забыла упомянуть практики, хождение в театры и другие очень важные вещи, которыми была наполнена моя «жизнь» в академических классах. И, наверное, сколько бы я ни написала, я всегда буду чувствовать, что этого недостаточно.

Я не знаю, есть ли сейчас в школе всё то, что я в ней для себя нашла за время своего обучения, но в любом случае всё это останется со мной в виде чувств и воспоминаний, потому что так работает репрезентация отсутствия. Мне бы хотелось, чтобы все люди могли бы иметь подобный опыт в своей жизни. Это определённо стоило того (по крайней мере для меня).

Лиза Шебаршева

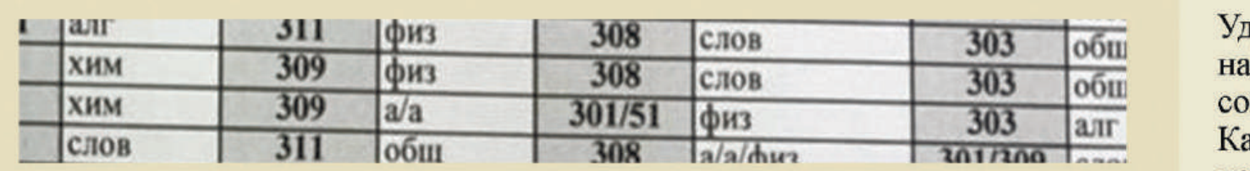
Я, наверное, никогда не перестану скучать по школьным временам в Академических классах. Первые полгода после выпуска я думала, что это очень тёплое, но все же щемящее чувство в груди от каждого воспоминания о школе со мной ненадолго, но вот прошло уже два года, это чувство всё так же со мной. Трудно выбрать что-то одно как самую яркую часть школьной жизни, в каждом дне было что-то интересное. Я очень любила всё, что связано с занятиями с Ольгой Михайловной и песни «Beatles» под гитару Андрея Александровича. Опыты на уроках химии, проекты на уроках немецкого, очень много всего хорошего было. Самые яркие воспоминания, конечно, о практиках и о постановках спектаклей.

Практика — это такая уникальная возможность узнать других и себя с новой стороны. Помню свою первую практику в 5 классе, мы ездили на Коневец. С того момента мое восприятие мира стало становится шире и кардинально меняться. Практика — это всегда про открытия.

Мы больше всего любили оставаться в школе после уроков, репетировать спектакли, рисовать к ним афиши или просто сидеть в кабинете и болтать. Мы обожаем так делать и сейчас, только уроков уже нет. Самые тёплые воспоминания, безусловно, связаны с Ольгой Михайловной и нашем таком родном 302 кабинете. Каждый раз приходя туда, я снова ощущаю себя школьницей. Беззаботность, заинтересованность во всем, ощущение, что можешь всё, уверенность в завтрашнем дне.

Школа для меня была про творчество. Творчество было во всём. Когда-то мы даже решили печатать настоящий журнал о школьной жизни, обо всех последних новостях. Всё было серьезно, мы набирали из разных классов сотрудников в наше издание, придумывали новые рубрики для читателей, брали интервью у ребят, составляли макет и печатали, бегали по школе и распространяли свежие номера нашего журнала. Творческие задания были на всех уроках, пожалуй, кроме физкультуры. Мне это безумно нравилось.

Я считаю, самое главное, что мне дали Академические классы, — это люди и умение выстраивать с ними отношения. Я безгранично благодарна школе за своих самых близких замечательных друзей, с которыми хочется, чтобы дружба была длиною в жизнь. Ольга Михайловна научила нас любить, дружить, прощать, принимать, слушать и слышать. Боюсь и не хочу представлять, что бы с нами было, если бы у нас не было Ольги Михайловны и друг друга. Нам крупно повезло, мы друг у друга есть. Сейчас у меня всё прекрасно, я скучаю по школе не из за того, что всё плохо. Просто в академических классах осталось детство — звонкое, радостное, беззаботное, прекрасное. Я часто вспоминаю школу. Каждый раз задумываясь о школьной жизни, я понимаю, что если бы только можно было прожить эту пору ещё раз, я без сомнения согласилась бы.



ТЫ ДАЛ ЖИЗНЬ МОЕЙ

Ульяна Тамарина

Про нашу школу и наш класс в частности можно сказать всё что угодно, но ни в коем случае нельзя сказать, что было скучно. Школа всегда была отдельным миром со своей экосистемой. Миром она была, безусловно, газообразным с хаотичным непрерывным, но гармоничным движением частиц, которые в процессе этого движения из элементарных постепенно превращались в какие-никакие составные. Связь между этими частицами я бы назвала ковалентно-полярной: в процессе постоянного взаимообмена, микроскопические частицы всё-таки притягивались к учителям, так что композиция этой причудливой картины была центростремительной.

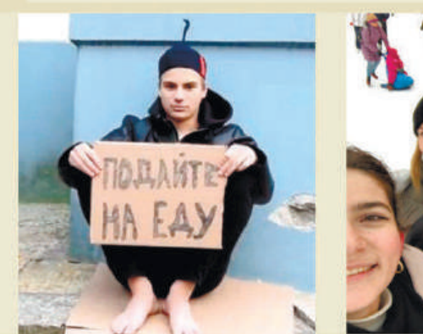
Удивительно, сколько всего произошло в небольшом здании всего за несколько лет. Вряд ли кто-то из нас предполагал, что помимо гранита науки мы научимся грызть всю самую твёрдую пищу от сложных социальных взаимодействий до ещё более сложного поиска себя.

Каждая практика была испытанием воли, мужества, терпения: каждый раз мы страшно ссорились, уставали до изнеможения и всё равно продолжали выполнять задания и успевали шалить. Вспоминая практики, невозможно поверить, что они длились чуть больше недели – событий с каждой хватит на целую жизнь! Но, по всем законам физики, чем дольше мы друг к другу притирались, тем проще нам было дальше, поэтому после каждой практики мы становились ближе, понятнее друг другу и сложнее внутри себя.

Не менее суровым испытанием были спектакли. Сколько слёз было пролито, сколько глоток сорвано, сколько колбасы съедено! Когда мы писали сценарии, перед нами стояла невыполнимая задача: выразить бурю наших подростковых душ, рассчитать эту бурю на количество душ в классе, а потом ещё свериться с возрастом душ наших зрителей. Поэтому даже я, пересматривая спектакли, не всегда понимаю, почему мы решили вставить именно эту песню и сказать именно это слово; удивительно, как зрители, не погружённые в нашу «кухню», реагировали, аплодировали и видели в наших спектаклях что-то своё. За это всем огромная благодарность.

В спектаклях действительно умещалось всё – наши личные и семейные драмы, отношения в классе, внутренние приколы, ссоры и вафли на репетициях.. Спектакли и в самом деле становились зеркалом души нашего класса. Не всегда получалось всё – вернее сказать, никогда не получалось всё (хотя каждый раз мы обещали, что вот теперь точно всё), но итог был лучше и честнее любых идей, потому что именно в «неидеальности» была наша искренность.

Думая о школе, я каждый раз удивляюсь, как странно тогда шло время и как странно были устроены мы. Хотя, конечно, это всё взаимосвязано, и странность эта была продиктована удивительным устройством маленького большого мира, где все случайности не случайны, а в начале всего, конечно же, Слово.



Наши учителя

- Масленникова О. М.
- Тиходеевы О. Н. и М. Ю.
- Евсюков А. И.
- Ваулина В. Л.
- Арбузова И. П.
- Смирнов А. А.
- Дунаева Э. Ю.
- Бибик С. В.
- Мосина И. Б.
- Львова О. А.
- Лукинская А. И.
- Головкин Н. К.
- Щукин М. А.
- Ивахник В. С.
- Завальная Н. А.
- Смирнов Е. Н.
- Арестова Е. Г.
- Балаценко О. Н.
- Кожокарь М. Ю.
- Васильева М. Ю.
- Никулина Ю. С.
- Михайлова В. Ю.
- Степанчиков Д.П.